

Там, где нет тела



Морок В. Е

Морок В.Е

Там, где нет тела

«Автор»

2026

Морок В.Е

Там, где нет тела / Морок В.Е — «Автор», 2026

Алина, физик, возвращается в закрытый исследовательский центр «Сад», где три месяца назад исчез её брат Матвей. Официальная версия — несчастный случай. Но тело Матвея живо — оно лежит в медицинском отсеке, подключённое к аппаратуре, а его сознание растворено в структуре, которую здесь называют «Зеркалом». Она умеет показывать прошлое с абсолютной точностью. И, как выясняется, не только прошлое. Чтобы вернуть брата, Алине придётся войти в структуру самой — туда, где нет тела, где время не течёт линейно, а память становится единственной нитью, связывающей человека с жизнью. Но чем глубже она погружается, тем яснее понимает: «Зеркало» не изобретение её начальника. Оно было здесь задолго до людей. И то, что оно хочет, может стоить дороже, чем жизнь одного человека. Это история о сестре, которая отказалась принять потерю. О цене знания. И о том, что любовь иногда находит путь даже туда, откуда нет возврата.

© Морок В.Е, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Глава 1. Возвращение	7
Глава 2. Запись	12
Глава 3. Зеркало	17
Глава 4. Координаты	22
Глава 5. Дочь	27
Глава 6. Выбор, которого не было	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Морок В.Е

Там, где нет тела

Введение

История, которую предстоит рассказать, началась не с открытия и не с катастрофы, а с вопроса, который человечество задавало себе на протяжении всей своей истории, просто не имея прежде технических средств, чтобы получить ответ: что происходит с сознанием, когда оно перестаёт быть привязанным к телу?

Кампус, построенный на окраине города, выглядел снаружи обычным исследовательским центром — стеклянные корпуса, лаборатории, аккуратные дорожки между зданиями, засаженные деревьями, которые должны были создавать иллюзию университетского спокойствия. Но под этой спокойной поверхностью скрывалось нечто, не поддающееся простому объяснению — структура, обнаруженная случайно несколько лет назад во время экспериментов с квантовыми моделями сознания, оказавшаяся не инструментом, не технологией в привычном смысле, а чем-то похожим на отдельное, самостоятельное пространство, способное принимать в себя человеческое сознание и хранить его за пределами смерти тела.

Для одних это открытие стало величайшим научным прорывом столетия. Для других — в первую очередь для тех, кто работал в лаборатории Юлии день за днём, наблюдая за последствиями контакта со структурой на живых людях, — оно стало источником бесконечных моральных и научных вопросов, не имеющих простых ответов. Что значит выжить, если тело остаётся живым, а сознание растворяется в чём-то большем? Можно ли вернуть человека обратно, и если да — вернётся ли он тем же самым, или трансформация, пережитая внутри структуры, навсегда изменит то, кем он был?

Алина не задумывалась об этих вопросах всерьёз до того дня, когда её брат, Матвей, молодой исследователь, работавший в том же кампусе, добровольно вошёл в контакт со структурой, пытаясь найти способ вернуть девушку, с которой был близок, — Веру, дочь руководителя проекта Светлова, оказавшуюся поглощённой структурой во время несчастного случая три года ранее.

Матвей не вернулся. Его тело осталось в медицинском отсеке кампуса, поддерживаемое аппаратурой, живое в физиологическом смысле, но лишённое сознания, которое, по всем доступным данным, растворилось где-то внутри структуры, недоступное для обычных методов связи.

Для Алины это стало началом пути, который она не выбирала, но от которого не могла отказаться — пути в лабораторию, где научная строгость сталкивалась с отчаянной человеческой надеждой, пути через погружения в темноту структуры, где она научилась разговаривать с братом не как с воспоминанием, а как с живым, хотя и трансформированным сознанием, и пути к пониманию того, что любовь, достаточно упорная, может найти способ пересечь даже границу между жизнью и чем-то, что лежит за её пределами.

Это история о структуре, о науке, пытающейся понять то, что прежде относилось исключительно к области философии и религии. Но прежде всего это история о сестре, отказавшейся принять потерю брата как окончательную, и о том, как далеко готов зайти человек, чтобы вернуть домой того, кого он любит.

Глава 1. Возвращение

Дорога к «Саду» начиналась там, где заканчивался асфальт — не метафорически, а буквально: в сорока километрах от последнего посёлка под названием Еловое бетонка превращалась в грунтовку, укатанную настолько плотно, что казалась искусственной, будто её тоже спроектировали в лаборатории, рассчитали на молекулярном уровне, чтобы она не раскисала даже в октябрьскую сырость. Алина помнила эту дорогу наизусть — каждый поворот, каждый просвет между соснами, где на секунду открывалось небо и тут же захлопывалось снова, — и всё же сейчас, спустя три года, она вела машину медленнее, чем нужно, будто оттягивала момент, когда тайга расступится и покажет то, что скрывает.

Она не была готова увидеть это снова. Но готовность давно перестала иметь значение.

Телефон на соседнем сиденье не ловил сеть уже двадцать минут — связь здесь глушили сами холмы, насыщенные железной рудой, а может быть, и не только холмы, — и Алина ехала в тишине, нарушаемой лишь шорохом шин по гравию и редким дребезжанием подвески на корнях, вылезших прямо из-под земли, как вены на старческой руке. За окном тянулся лес, в котором осень уже сделала своё дело: берёзы стояли голые, лиственницы роняли последнюю рыжую хвою, и только ели оставались чёрно-зелёными, неизменными, равнодушными ко времени.

Равнодушными ко времени — так Светлов однажды описал саму тайгу. «Здесь удобно думать о детерминизме, — сказал он ей в её первый день, восемь лет назад, когда она была двадцатидвухлетней выпускницей, насмерть перепуганной собственной удачей попасть сюда. — Тайга не знает, что когда-нибудь кончится. Она просто есть. Прошрое, настоящее и будущее для неё — одно и то же дерево».

Тогда это звучало красиво. Сейчас — зловеще.

Дорога пошла на подъём, и за очередным поворотом впервые показался купол — не весь, лишь блеск стекла между стволами, похожий на осколок льда, вмёрзший в чашу. Алина сбросила скорость почти до нуля. Сердце забило так, что она услышала его раньше, чем осознала собственный страх.

«Сад» строился восемь лет, и первые три года она была частью этой стройки — не физически, конечно, строили вахтовики и инженеры из Новосибирска и Томска, но она была частью замысла, частью того, что должно было наполнить это здание смыслом. Главный корпус — низкий, вытянутый, с фасадом из затемнённого стекла, вписанный в склон холма так, что казался не построенным, а выросшим, — был взят из какого-то скандинавского архитектурного журнала, который Светлов однажды показал ей на планшете с горящими от восторга глазами. «Минимум барьеров между человеком и мыслью», — говорил он. Между человеком и мыслью. Он всегда говорил красиво. Это было его главным оружием.

Шлагбаум на въезде оказался на месте — ржавая мелочь на фоне стеклянного совершенства за ним, как заноза, которую забыли вытащить. Из будки вышел охранник, незнакомый, молодой, в тёмной форме без опознавательных знаков. Он проверил её документы долго,

слишком долго для человека, которому заранее сообщили о её приезде, и Алина поняла: её действительно ждали, но без энтузиазма.

— Орлова, Алина Дмитриевна, — произнёс он, вчитываясь в паспорт, как будто имя могло измениться за те секунды, что он держал документ в руках. — Вас проводят до главного здания.

— Я помню дорогу, — сказала она.

— Распоряжение, — ответил охранник, не поднимая глаз.

Распоряжение. Три года назад здесь не было распоряжений для неё — она сама была распоряжением, человеком, чьи решения определяли, кто и куда может пройти. Теперь она снова стала гостьей на территории, которую когда-то считала домом больше, чем собственную квартиру в городе.

Сопровождающий — ещё один безликий молодой человек, на этот раз в штатском — сел на пассажирское сиденье её машины и молчал всю дорогу до парковки, короткую, минуты на три, но показавшуюся Алине бесконечной. Она смотрела на купол, который приближался, расправлялся, обрастал деталями — переходами между корпусами, похожими на застывшие капли ртути, оранжевыми крышами над лабораторными блоками, где когда-то (это было её идеей, её маленьким вкладом в легенду места) выращивали настоящие растения, чтобы учёные видели живое, а не только мёртвый свет мониторов.

Растения. Сад. Отсюда и название, хотя официально проект назывался иначе — в документах фигурировал скучный акроним, который никто, кроме бухгалтерии, не использовал. «Сад» прижилось стихийно, в разговорах сотрудников, и Светлов, услышав это слово впервые, не стал его искоренять. Напротив — он произнёс его тогда с явным удовольствием, будто название подсказало ему что-то важное о собственном замысле. «Сад, — сказал он. — Да. Именно сад. Место, где время цветёт».

Алина не поняла этой фразы тогда. Она начала понимать её только сейчас, когда вышла из машины на бетон стоянки и почувствовала, как холодный воздух тайги режет лёгкие — чистый, пахнувший хвоей и чем-то металлическим, озоновым, словно где-то рядом, за толщей бетона и стекла, непрестанно работала гигантская установка, выдыхающая в атмосферу невидимый избыток энергии.

Он работал. Она это почувствовала раньше, чем увидела хоть одно подтверждение.

Внутри здание не изменилось — и в этом была своя жуть. Три года, прожитые ею в городе, в арендованной квартире с видом на соседнюю многоэтажку, в суете должности, где самым страшным открытием дня было падение курса акций клиента, — а здесь время буквально стояло на месте. Тот же серый гранитный пол ресепшена, холодный даже на вид. Та же стена из тёмного дерева за стойкой, с единственным украшением — гравировкой слова «САД», выполненной мелким, почти неразличимым шрифтом, будто основатели стеснялись собственной прихоти. Тот же свет — рассеянный, безтеневого, льющийся откуда-то сверху и со всех сторон одновременно, спроектированный так, чтобы человек, попадая внутрь, терял ощущение времени суток.

За стойкой сидела новая девушка — Алина никогда её не видела, — но улыбка у неё была той же, что у всех администраторов «Сада» за все эти годы: вежливая, выученная, слегка настороженная, как у человека, которому объяснили правила, но не объяснили, зачем они нужны.

— Алина Дмитриевна. Герман Аркадьевич ждёт вас на третьем этаже.

Герман Аркадьевич. Не Светлов, не Герман, как называли его между собой инженеры за его спиной — всегда полное имя, уважительно-формальное, будто произносить его иначе значило бы нарушить какой-то невидимый протокол. Три года назад Алина сама так его называла, хотя знала его почти семь лет и провела с ним бессчётное количество вечеров за разговорами о квантовой механике, о сознании, о том, существует ли случайность на самом фундаментальном уровне бытия, или вся вселенная — это одна гигантская, уже написанная партитура, которую существа внутри неё лишь исполняют, веря, что импровизируют.

Лифт поднимался медленно и бесшумно. В зеркальной стене кабины Алина увидела своё отражение — усталое лицо, тёмные круги под глазами, волосы, собранные второпях утром, когда она в последний раз проверяла, не забыла ли документы. Три года назад она выглядела моложе не потому, что было меньше морщин, а потому, что в её взгляде было что-то, чего не было сейчас — какая-то невинная уверенность в том, что мир управляется правилами, которые можно вычислить, понять и, если понадобится, изменить.

Она потеряла эту уверенность не здесь. Она потеряла её три года назад, когда ушла отсюда, забрав с собой только одно знание — такое тяжёлое, что оно сломало её веру в саму физику, которой она посвятила жизнь.

Но об этом она не думала сейчас. Сейчас она думала о Матвее.

Кабинет Светлова на третьем этаже выходил окнами не на лес, а на внутренний двор — замкнутое пространство под открытым небом, засаженное хвойным молодняком, которое сотрудники между собой называли «атриумом», хотя потолка над ним не было. Светлов сидел не за столом, а в кресле у окна, спиной к двери, и, судя по движению его плеч, что-то читал на планшете.

Он не изменился. Вот что поразило её сильнее всего. Герман Светлов, которому было уже за шестьдесят, выглядел так, будто застыл в возрасте пятидесяти пяти — та же седая борода, аккуратно подстриженная, тот же взгляд серых глаз, слишком светлых для его смуглой, выдубленной сибирскими ветрами кожи, тот же свитер грубой вязки, в котором он, казалось, родился и в котором собирался умереть. Время было бессильно перед ним — или, возможно, он нашёл способ сделать его бессильным.

— Алина, — сказал он, не оборачиваясь, зная её шаги так же хорошо, как она знала дорогу сюда. — Ты похудела.

— Герман Аркадьевич.

Он обернулся, и в его лице промелькнуло что-то, что Алина не смогла сразу распознать — не радость, не вина, а скорее облегчение, похожее на облегчение человека, который долго ждал решения суда и наконец его получил, каким бы оно ни было.

— Я не был уверен, что ты вернёшься, — сказал он. — Даже после того, что случилось.

— Я вернулась не ради тебя.

— Я знаю, ради кого ты вернулась. — Он встал, медленно, с лёгким кряхтением, которое выдавало всё-таки существующий возраст, спрятанный за моложавым лицом. — Ради Матвея. Поэтому я и позвонил тебе, а не кому-то ещё.

Алина молчала, глядя на него. За окном, в атриуме, ветер шевелил ветки молодых елей, и этот шелест был единственным звуком в кабинете, не считая гула вентиляции — настолько тихого, что его замечали только те, кто жил здесь долго и научился слышать здание, как слышат дыхание спящего рядом человека.

— Расскажи мне, что случилось, — сказала она.

— Я расскажу тебе всё, что знаю, — ответил Светлов, и в его голосе прозвучала интонация, которую Алина помнила из прошлого: интонация человека, который всегда говорит правду, но никогда — всю правду целиком. — Но сначала я хочу, чтобы ты поняла, над чем он работал. Потому что без этого ничего не будет иметь смысла. Ни то, что случилось, ни то, что ты найдёшь, если решишь искать.

Он подошёл к окну, встал рядом с ней, и вдвоём они смотрели на хвойный молодняк во внутреннем дворе — деревья, которые, как знала Алина, были высажены ровно в тот день, когда «Сад» был официально открыт, восемь лет назад, и которые с тех пор выросли едва на полметра, будто сама земля здесь была скупа на рост, предпочитая сохранять, а не создавать новое.

— Матвей работал над интерфейсом, — сказал Светлов наконец. — Над тем, как сделать так, чтобы человек мог не просто видеть то, что показывает машина, а быть внутри.

Алина почувствовала, как у неё холодеют пальцы — не от температуры в кабинете, которая была, как всегда здесь, идеально выверенной, а от чего-то, идущего изнутри, от того самого места, где три года назад сломалась её вера.

— Быть внутри чего? — спросила она, хотя уже знала ответ. Знала его с того самого дня, восемь лет назад, когда впервые увидела, как машина Светлова, которую инженеры в шутку называли «Зеркалом», восстанавливает на экране кадр из тысяча девятьсот тридцать седьмого года с такой точностью, что становилось физически больно смотреть, — лица людей, которых давно не было в живых, двигались, дышали, жили в своём безвозвратно прошедшем моменте с той же достоверностью, что и люди за окном сейчас.

— Внутри времени, — ответил Светлов тихо. — Он хотел доказать, что прошлое и будущее — это не экран, который можно только наблюдать. Он хотел доказать, что это место, в которое можно войти.

За окном шевельнулись ветки, хотя ветра, казалось, не было вовсе.

Вечером, устроившись в гостевом домике — том самом, где она жила все три года, работая здесь, с той же простой кроватью, тем же письменным столом из светлого дерева, той же

картой созвездий северного полушария на стене, которую сама когда-то повесила и забыла снять, — Алина разложила перед собой документы, которые ей передали в отделе кадров: трудовой договор Матвея, подписанный ровно за месяц до его исчезновения, и акт о несчастном случае, подписанный местной полицией и внутренней службой безопасности «Сада» ровно через два дня после того, как его искали в тайге с собаками и дронами и не нашли ничего — ни тела, ни одежды, ни единого следа, который бы объяснил, куда может пропасть взрослый, здоровый человек в радиусе двадцати километров от охраняемого периметра.

В акте было сказано: «предположительно, несчастный случай в условиях сложного рельефа, тело не обнаружено ввиду специфики местности (болотистые участки, карстовые полости)». Подпись. Печать. Точка.

Алина читала этот документ в третий раз за вечер, и в третий раз у неё возникало одно и то же чувство — не горя, оно давно притупилось от бесконечного пережёвывания, а холодного, профессионального недоверия физика к данным, которые не укладываются в модель.

Болотистые участки. Карстовые полости. В радиусе двадцати километров от «Сада», где рельеф был изучен и закартографирован с точностью до сантиметра, потому что сюда никогда, ни разу, не пускали посторонних, и каждый квадратный метр тайги вокруг кампуса был частью единого, строго охраняемого периметра, оборудованного датчиками движения такой чувствительности, что они фиксировали пробегающую лисицу.

Она отложила документы, подошла к окну. За стеклом тайга была чернее угля, лишь кое-где между стволами мигали редкие огни периметра — равнодушные, ритмичные, как пульс спящего механизма.

Если Матвей пропал в тайге, где его видели датчики. Если его видели датчики, значит, есть запись. Если есть запись, значит, кто-то её видел и решил, что проще написать «карстовые полости», чем сказать правду.

Алина легла, не раздеваясь, и уставилась в потолок, где в темноте едва проступал контур вентиляционной решётки — ровный квадрат, похожий на окно в никуда.

Утром она собиралась найти ту запись.

Она не знала ещё, что найдёт нечто такое, что заставит её усомниться не только в официальной версии гибели брата, но и в самой природе выбора, который, как она всегда верила, принадлежал ей.

Глава 2. Запись

Ночью ей снился не Матвей, а машина.

Снился не как образ — скорее, как ощущение: будто она сама стала частью контура, по которому бежит ток, и где-то глубоко в её теле гудело что-то ровное, низкочастотное, похожее на звук, который она слышала наяву восемь лет назад, стоя в первый раз перед «Зеркалом» — огромным залом без окон, в центре которого висела, не касаясь пола, конструкция из переплетённых криостатов, напоминающая не прибор, а скорее нервный узел неведомого организма, выращенный, а не собранный. Во сне она подходила к этому узлу ближе и ближе, и голос — не Светлова, не Матвея, ничей голос, просто голос — говорил ей: «Ты уже здесь была. Ты просто не помнишь, в каком направлении».

Она проснулась в шесть утра, за час до того, как в «Саду» традиционно включали основное освещение в коридорах — здесь свет не включали резко, он нарастал постепенно, за двадцать минут, имитируя рассвет, которого на самом деле не было, потому что окна гостевых домиков смотрели в чащу, где солнце в октябре вставало поздно и неохотно.

Алина лежала, глядя в потолок, и думала о том, что сон был не случайностью. Три года назад, покидая «Сад», она унесла с собой не только разочарование, но и привычку, которая оказалась почти физиологической: мозг, проводивший семь лет рядом с машиной, способной показывать прошлое с абсолютной точностью, начинал видеть собственные сны как данные, подлежащие анализу, а не как случайный шум нейронов. Светлов однажды сказал ей: «Знаешь, самое страшное, что я заметил у людей, долго проработавших с „Зеркалом“? Они перестают верить, что их сны — просто сны».

Она тогда посмеялась. Сейчас не смеялась.

В девять утра она была в отделе безопасности — невысоком здании без окон на северной стороне кампуса, которое все называли просто «периметр», хотя официально оно носило номер в системе внутренней документации, который никто, кроме бухгалтерии, не запоминал. Начальник безопасности, Виктор Гурьев, занимал этот пост так же давно, как Алина знала «Сад» — крупный мужчина с короткой седой стрижкой и привычкой держать руки сложенными на груди, будто он всегда готовился к обороне, даже в разговоре со старым знакомым.

— Орлова, — сказал он, когда она вошла, не вставая и не предлагая сесть. — Я слышал, ты вернулась.

— Я хочу посмотреть записи периметра за ночь исчезновения Матвея.

Гурьев выдержал паузу, достаточно долгую, чтобы Алина поняла: он знал, что она придёт с этим вопросом, и уже подготовил ответ.

— Записи переданы следствию. У нас их больше нет.

— Переданы какому следствию? Дело закрыли через два дня, Виктор. Никто ничего не расследовал.

— Передано в архив головной организации. — Он произнёс это с такой гладкой монотонностью, что Алина сразу поняла: он читает заученную формулировку, а не отвечает на вопрос. — Я не имею доступа к этому архиву. И ты, Алина, тоже не имеешь.

— У меня новый допуск. Герман подписал.

— Герман подписал тебе допуск к лаборатории. — Гурьев впервые за разговор чуть сдвинулся в кресле, и в этом движении была какая-то неловкость, почти извинение. — Не к безопасности. Я не могу показать тебе то, чего у меня нет.

Она смотрела на него долго, пытаясь понять, лжёт он или действительно не имеет доступа. Виктор Гурьев проработал здесь дольше, чем она сама; он был из тех людей, кто принимал правила «Сада» без вопросов, потому что вопросы о правилах здесь всегда вели к вопросам о самом Светлове, а задавать вопросы о Светлове в «Саду» было чем-то вроде задавания вопросов о гравитации — бессмысленным занятием, учитывая, что гравитация просто есть и работает, нравится это тебе или нет.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Тогда скажи мне хотя бы одно. В ночь, когда он пропал, работал ли хоть один датчик периметра?

Гурьев молчал дольше, чем требовалось для ответа «нет».

— Все датчики были в норме, — сказал он. — Движения зафиксировано не было.

— Значит, он не выходил за периметр.

— Значит, датчики не зафиксировали, что он выходил за периметр.

Разница в этих двух фразах была пропастью, и оба они это понимали.

Лабораторный корпус, где работал Матвей, располагался в южном крыле кампуса — зона, доступ в которую Алина имела в прошлом как ведущий инженер, но которая была перестроена за последние три года настолько, что она едва узнавала коридоры. Стены, прежде белые, теперь были обшиты тёмным деревянным шпоном, свет стал мягче, почти интимным, будто архитекторы хотели, чтобы люди, работающие здесь, забыли, что находятся в технологическом комплексе, а не в убежище для медитации.

Её сопровождала молодая исследовательница по имени Соня Карева — одна из немногих, кто пришёл в «Сад» уже после ухода Алины и, следовательно, не знал ни её прежнего статуса, ни истории с Матвеем во всех подробностях, что устраивало Алину: с чистого листа легче было задавать вопросы, не вызывая у собеседника автоматической защитной реакции.

— Матвей Дмитриевич сидел здесь, — сказала Соня, останавливаясь у рабочего места в открытом пространстве лаборатории — стол, два монитора, кресло, выдвинутое чуть в сторону, будто его хозяин собирался встать всего на минуту и вернуться. Никто не трогал это место три месяца.

Алина подошла ближе. На столе лежал блокнот — обычный, бумажный, что само по себе было странно для сотрудника «Сада», где всё цифровое пространство было закрыто системами шифрования такого уровня, что даже внутренняя переписка проходила через протоколы, разработанные специально для этого места. Бумажный блокнот означал одно: Матвей не хотел, чтобы его записи попали в систему. Не хотел, чтобы их видел кто-то, кроме него самого.

Она открыла блокнот. Большая часть страниц была испещрена формулами — не она должна была удивляться почерку брата, она знала его с детства, но сейчас, глядя на эти символы, выписанные его рукой, Алина почувствовала укол в груди такой силы, что ей пришлось на секунду прикрыть глаза.

Формулы были не из тех, что она ожидала увидеть в контексте интерфейсных разработок. Это были уравнения, связанные с топологией многомерных пространств — тема, далёкая от его официальной должности. На одной из страниц, где-то в середине блокнота, Матвей написал от руки, не формулой, а словами, по-русски, крупным, слегка нервным почерком:

«Если точка в прошлом фиксирована абсолютно, значит ли это, что точка в будущем тоже фиксирована абсолютно? Если да — где граница между наблюдением и присутствием?»

Чуть ниже, другими чернилами, будто запись была сделана позже:

«Г. говорит, границы нет. Г. говорит, можно войти».

«Г.» Алина не нуждалась в расшифровке. Герман.

— Соня, — сказала она, не поднимая глаз от блокнота, — что именно разрабатывал Матвей в последний месяц? Официально.

Соня замаялась — не потому, что не знала, а потому, что явно колебалась, насколько честной она может быть с человеком без действующего грифа доступа к этому проекту.

— Интерфейс погружения, — сказала она наконец, тихо, будто сама формулировка пугала её. — Систему, которая переводит визуализацию «Зеркала» из режима наблюдения в режим... — она подыскивала слово, — присутствия.

— Что это значит на практике?

— На практике это значит, что раньше ты смотрел на реконструированную сцену прошлого на экране, как в кино. А то, над чем работал Матвей Дмитриевич, должно было позволить... — Соня замолчала снова.

— Войти внутрь, — закончила Алина за неё, вспоминая слова Светлова накануне.

Соня кивнула, не поднимая глаз.

Остаток дня Алина провела, пытаясь получить доступ к серверам, на которых хранились протоколы экспериментов последнего месяца работы Матвея. Доступ был заблокирован на уровне, превышающем её текущий гриф — не частично, а полностью, будто вся папка с его проектом была изолирована от остальной сети «Сада» физически, а не только программно.

Она пошла к Светлову.

Он принял её в том же кабинете, снова у окна, глядя на тот же атриум, где теперь, в послеполуденном свете, молодые ели отбрасывали длинные синие тени.

— Я не могу получить доступ к файлам Матвея, — сказала она без предисловий.

— Я знаю, — ответил Светлов. — Я их изолировал сам.

— Почему?

— Потому что я ещё не решил, готова ли ты их увидеть.

Это было сказано так прямо, с такой холодной откровенностью, что Алина на секунду потеряла равновесие — не физическое, а то внутреннее равновесие, которое она тщательно удерживала всю дорогу сюда, весь вчерашний день, весь сегодняшний.

— Я приехала сюда, чтобы узнать правду, Герман. Если ты не собираешься мне её давать — зачем ты меня вызвал?

Светлов долго молчал, глядя в окно. Когда он наконец заговорил, голос его звучал мягче, почти устало:

— Я вызвал тебя, потому что ты единственный человек, кому я могу показать правду без того, чтобы она разрушила его целиком. — Он сделал паузу. — Но правда не выдаётся по кускам, Алина. Либо ты видишь всё, либо ничего. А чтобы увидеть всё, ты должна сначала понять, что способна увидеть «Зеркало» сейчас. Не три года назад. Сейчас.

— Так покажи мне.

Он посмотрел на неё, и в его светлых глазах — тех самых, что когда-то казались ей глазами человека, видящего дальше, чем остальные, — промелькнуло то же выражение, которое она заметила накануне: смесь облегчения и чего-то похожего на жалость.

— Завтра, — сказал он. — Сегодня слишком рано.

Она хотела возразить, но что-то в его тоне подсказало ей — спорить бессмысленно. Светлов решал, когда наступает «готовность», и никакие аргументы не могли изменить его расчёт.

Вечером, вернувшись в гостевой домик, Алина позвонила матери — звонок прорвался с третьей попытки, через короткое окно связи, которое, по непонятным причинам, открывалось здесь только в сумерках.

— Ты нашла что-нибудь? — спросила мать сразу, без приветствия, голосом, в котором усталость от трёх месяцев горя смешалась с усталостью от трёх лет недоверия к собственной дочери, уехавшей когда-то в это странное место и вернувшейся оттуда другим человеком.

— Пока нет, — ответила Алина. — Но здесь что-то не так. Матвей работал над чем-то... — она не нашла слова и остановилась.

— Над чем-то, что убило его?

— Я не знаю.

— Алина. — Голос матери дрогнул. — Привези его обратно. Живого или... — она не закончила фразу, и связь прервалась сама, оборвав разговор на этом невысказанном слове.

Алина сидела в темноте долго, не включая свет, слушая, как снаружи, за стенами домика, тайга живёт своей размеренной, равнодушной жизнью — скрип веток, далёкий крик какой-то ночной птицы, тишина такой плотности, что в ней начинало казаться, будто сама тишина — это ещё один слой защиты, выстроенный вокруг «Сада», чтобы заглушить не внешние звуки, а внутренние — те, что рождались в головах людей, живущих здесь слишком долго.

Она достала блокнот Матвея, который взяла с его стола без разрешения — техническое нарушение, за которое, вероятно, её ждали неприятности, но сейчас ей было всё равно. Она открыла его на последней заполненной странице.

Там, в самом низу листа, было написано — другим почерком, более резким, более торопливым, будто написанное в состоянии сильного волнения:

«Я видел конец. Не метафору. Конец. Если Г. прав, и это не предсказание, а запись — тогда у меня нет выбора. У меня никогда не было выбора. Остаётся только одно: выбрать способ, которым я приду туда, где уже был».

Алина перечитала эту строчку три раза, и с каждым разом холод в груди становился плотнее, тяжелее, превращаясь во что-то, похожее на страх — не страх перед опасностью, а страх перед идеей, идеей настолько огромной, что она грозила обрушить всё, во что Алина верила о природе времени, выбора и собственного «я».

Если это не предсказание, а запись.

Если будущее уже написано так же твёрдо, как прошлое.

Тогда что искала она здесь — правду о смерти брата, или подтверждение того, что сама её попытка найти эту правду была предопределена заранее, записана в той же бесконечной партитуре, которую, как любил говорить Светлов восемь лет назад, существа внутри вселенной лишь исполняют, веря, что импровизируют?

Она закрыла блокнот и выключила свет, но заснуть не смогла ещё долго, лёжа в темноте и слушая, как где-то под землёй, в глубине кампуса, ровно и неустанно гудит машина, которая, если верить последней записи её брата, уже видела момент, в который он должен был прийти.

Глава 3. Зеркало

Утро началось с тумана — такого плотного, что здание кампуса, когда Алина вышла из домика, казалось обрубленным на уровне второго этажа, будто верхняя часть «Сада» растворилась в небе, оставив внизу лишь нижний контур стекла и бетона, тонущий в молочной мгле. Тайга вокруг молчала иначе, чем ночью — не угрожающе, а растворённо, будто сам лес временно перестал существовать, уступив место этой плотной, непроницаемой белизне.

Она шла к главному корпусу пешком, хотя могла бы вызвать электрокар, — ей хотелось почувствовать воздух, холодный и влажный, пахнувший сырой хвоей и землёй, прежде чем снова оказаться внутри герметичного, климат-контролируемого пространства, где воздух всегда был одинаковым, независимо от времени года, где даже запах — едва уловимый, стерильный, с нотой чего-то похожего на озон — не менялся за восемь лет её знакомства с этим местом.

Светлов ждал её у входа в лабораторию «Зеркала» — зону, доступ в которую регулировался не электронным ключом, а биометрическим сканированием сетчатки, настроенным индивидуально для узкого круга допущенных. Три года назад Алина была в этом круге. Сейчас, судя по тому, как система на мгновение замешкалась, прежде чем зелёный огонёк разблокировал дверь, её данные были восстановлены буквально накануне — вероятно, лично Светловым, минуя обычный протокол.

— Ты готова? — спросил он, хотя вопрос был риторическим: ни один ответ не изменил бы того, что должно было произойти.

— Я готова три года, — ответила она.

Он кивнул, будто ответ его удовлетворил, и толкнул дверь.

Зал не изменился — и в этом снова была та же жуть, что в архитектуре всего кампуса: ощущение, что здесь застыло не только пространство, но и само время, будто комната существовала в своём собственном, отдельном временном потоке, не связанном с остальным миром. В центре зала, подвешенная в воздухе на системе электромагнитных опор, висела конструкция «Зеркала» — переплетение криостатов цвета полированной стали, с проводами, уходящими вниз, в толщу пола, где, как знала Алина, располагался основной массив квантовых процессоров, охлаждённых почти до абсолютного нуля.

Но что-то изменилось. Три года назад конструкция была статичной, молчаливой между сессиями — сейчас она тихо вибрировала, издавая низкий, почти неслышимый гул, который Алина скорее чувствовала грудной клеткой, чем слышала ушами. Воздух вокруг установки казался плотнее, будто сама атмосфера была насыщена чем-то невидимым и тяжёлым.

— Он работает постоянно? — спросила она.

— Он не выключается уже два года, — ответил Светлов, подходя к пульту управления — простому столу с единственным монитором и клавиатурой, настолько минималистичному, что казался почти издевательски простым рядом с мощностью установки, которую он контролировал.

— Остановка процесса обходится дороже, чем его поддержание. Квантовая система такого масштаба не терпит перезапуска — слишком много информации теряется при декогеренции.

— Какой информации?

Светлов посмотрел на неё долгим взглядом, в котором читалось что-то похожее на решение — окончательное, бесповоротное.

— Я покажу тебе, — сказал он. — А не расскажу. Так будет честнее.

Он сел за пульт, его пальцы прошлись по клавиатуре с той же лёгкостью, с какой пианист касается клавиш, зная их расположение наизусть. На стене напротив установки, прежде пустой, развернулся экран — не плоский, а слегка вогнутый, создающий иллюзию глубины, иллюзию окна, а не изображения.

— Что ты хочешь увидеть? — спросил он.

— Что ты имеешь в виду?

— «Зеркало» требует точки отсчёта. Координаты во времени и пространстве. Чем точнее заданы координаты, тем точнее реконструкция. Назови мне момент.

Алина на секунду замешкалась. Три года назад она видела демонстрации «Зеркала» десятки раз — исторические сцены, подобранные для презентаций инвесторам, безопасные, нейтральные, лишённые личного веса. Она никогда не задавала системе координаты, связанные с собственной жизнью. Это считалось — не правилом, а скорее неписаным табу внутри «Сада» — личные координаты оставляли слишком много места для субъективной интерпретации результата, а субъективность была врагом точности.

Но сейчас правила изменились. Она это чувствовала.

— Покажи мне последний день, когда я видела Матвея, — сказала она.

Светлов не удивился, не возразил. Он ввёл дату — Алина назвала её, не задумываясь, она помнила этот день с болезненной отчётливостью: воскресенье, три с половиной месяца назад, их последняя встреча перед тем, как Матвей уехал обратно в «Сад» и перестал отвечать на звонки.

Пальцы Светлова прошли по клавиатуре ещё несколько секунд, и затем он произнёс тихо, почти ритуально:

— Иницирую реконструкцию.

Экран на мгновение погас — не вспыхнул, а именно погас, будто сама реальность на долю секунды задержала дыхание перед тем, как явить то, что хранила. Затем изображение проступило — не как видео, не как фотография, а как нечто, лишённое пикселей, лишённое разрешения, цельное в своей достоверности, будто окно действительно открылось в прошлое, а не воспроизвело его симуляцию.

Алина увидела кухню своей квартиры. Увидела себя — три с половиной месяца моложе, в той же серой футболке, которую она надевала, когда готовила ужин, стоящую у плиты с ложкой в руке. И увидела Матвея — живого, настоящего, сидящего за столом с кружкой чая, листающего что-то в телефоне с тем характерным выражением сосредоточенности, которое появлялось у него, когда он читал статьи по физике.

Это было не воспоминание. Это было не её память, пересобранная и приглаженная временем, где детали стирались или заменялись более удобными версиями. Это было точно — болезненно, невыносимо точно: та же трещина на кружке, из которой пил Матвей, трещина, которую она давно забыла; тот же свет из окна, падающий на стол под тем же углом, каким он падал тогда, в то конкретное время дня; та же музыка, едва слышная из её собственного телефона, лежащего на столе, — песня, которую она не слушала с тех пор и совершенно забыла, что слушала её тогда.

— Это запись? — спросила она шёпотом, не отрывая взгляда от экрана.

— Это реконструкция, — ответил Светлов тем же тихим, почти благоговейным тоном. — Квантовая система анализирует остаточные информационные паттерны события — то, что физики называют декогеренцией, рассеянным следом взаимодействия частиц, которые были в этой комнате в тот момент. Каждое взаимодействие оставляет след. Этот след никуда не исчезает — он просто рассеивается до состояния, которое кажется случайным шумом. «Зеркало» умеет этот шум читать обратно.

На экране Матвей что-то сказал — Алина видела движение его губ, но звука не было, система воспроизводила изображение без аудио, по крайней мере пока. Три с половиной месяца назад тот Матвей на кухне поднял взгляд от телефона и посмотрел прямо на ту Алину у плиты с выражением, которое настоящая Алина, стоящая сейчас в этом зале, прекрасно помнила — выражение, которое она тогда не придавала особого значения, но которое сейчас, увидев снова, пронзило её внезапным пониманием.

Это было выражение человека, который прощается.

— Останови, — сказала она.

Светлов остановил изображение, застыв на кадре с лицом её брата — спокойным, почти умиротворённым, глядящим на сестру, которую он не увидит больше никогда, зная это, в то время как она сама, тогдашняя Алина на экране, ничего не знала и улыбалась ему в ответ, не замечая ничего.

— Он знал, — произнесла Алина, и голос её прозвучал странно, глухо, как будто доносился не из её собственного горла. — Он уже тогда знал, что уходит.

— Да, — сказал Светлов просто.

— Ты видел эту сцену раньше.

— Я видел её на следующий день после его исчезновения. Я запросил у системы координаты именно этого момента, потому что он сам мне сказал за неделю до этого, что хочет провести с тобой этот вечер. Он сказал мне: «Это последний раз, когда я вижу её так».

Алина обернулась к нему резко, с силой, которая заставила Светлова на секунду отступить.

— Ты знал. Ты знал заранее, что он собирается уйти, и ничего не сделал?

— Я не знал, что он имеет в виду буквально, — ответил Светлов, и впервые за весь разговор в его голосе прозвучало что-то похожее на искреннюю боль, не отрепетированную, не контролируемую. — Я думал, он говорит метафорически. Что он имеет в виду какой-то внутренний перелом, период траура, который он проходит. Я не думал... — Он замолчал, глядя на застывшее изображение Матвея на экране. — Я не думал, что он говорит о программе.

— О какой программе?

Светлов долго молчал, прежде чем ответить. Когда он наконец заговорил, его голос звучал тише, чем Алина когда-либо слышала от него, — голос человека, признающего в чём-то, что он прятал от самого себя так долго, что сам почти поверил в собственное неведение.

— О программе переноса, — сказал он. — Том самом интерфейсе погружения, над которым он работал. Он не просто разрабатывал систему для наблюдения прошлого изнутри, Алина. Он разрабатывал систему, которая позволяет сознанию человека перейти туда полностью. Не наблюдать момент. Жить в нём.

Зал вокруг них казался абсолютно безмолвным, если не считать низкого гула установки, который теперь, после услышанного, звучал Алине не технологическим шумом, а чем-то живым — дыханием огромного спящего существа, которое наконец начало просыпаться.

— Это невозможно, — сказала она, хотя знала, произнося эти слова, что они звучат как попытка защититься, а не как научное утверждение. — Сознание — не информация, которую можно перенести между носителями. Это не файл.

— Три года назад я бы согласился с тобой, — ответил Светлов. — Сейчас я не уверен, что знаю разницу.

Он показал ей остальное не сразу — остаток дня они провели в молчании, которое оба, казалось, нуждались в том, чтобы переварить увиденное, прежде чем двигаться дальше. Алина вернулась в гостевой домик к вечеру, физически истощённая, будто пробежала марафон, хотя всё, что она делала весь день, — это стояла и смотрела на экран.

Она открыла блокнот Матвея снова, перечитывая его записи в свете новой информации. Фраза, которая прежде казалась загадочной, теперь обрела пугающую ясность:

«Если точка в прошлом фиксирована абсолютно, значит ли это, что точка в будущем тоже фиксирована абсолютно? Если да — где граница между наблюдением и присутствием?»

Границы не было. Светлов сам это сказал накануне: «Г. говорит, границы нет». Матвей задавал системе не только координаты прошлого — он, вероятно, задавал ей координаты будущего. Своего собственного будущего. И если «Зеркало» показывало будущее с той же абсо-

лютной точностью, с какой оно показало сегодня прощание на кухне, — тогда что видел Матвей, прежде чем решил, куда и как уйти?

Алина подошла к окну. Туман за день рассеялся, и теперь сквозь стекло была видна тайга, залитая холодным лунным светом, стволы деревьев — тёмные вертикальные полосы на фоне серебристого снега, выпавшего, судя по всему, днём, пока она была в зале «Зеркала» и не замечала ничего вокруг.

Снег. Первый в этом году. Она не помнила, когда он начался.

Где-то в глубине кампуса, под её ногами, в толще бетона и земли, машина продолжала гудеть — ровно, неустанно, как существо, которое не спит никогда, потому что сон для него — это просто ещё одна координата, которую можно вычислить, воспроизвести и, возможно, однажды — войти.

Она легла спать, не выключив свет, впервые за много лет боясь темноты не как ребёнок, а как физик, внезапно осознавший, что уравнение, которое он считал метафорой, оказалось описанием буквальной, физически доступной реальности.

Завтра она должна была спросить Светлова о координатах, которые задавал себе Матвей в последние недели. Завтра она должна была узнать, что он увидел в своём собственном будущем.

Она боялась этого вопроса сильнее, чем боялась ответа.

Глава 4. Координаты

Снег шёл всю ночь и не прекратился к утру — редкий, медленный, оседающий на ветках елей так аккуратно, будто природа здесь тоже подчинялась чьему-то расчёту, а не случаю. Алина проснулась рано, не отдохнувшей, с ощущением, что сон её был не отдыхом, а продолжением вчерашнего просмотра — обрывки лица Матвея, застывшего в прощальном взгляде, преследовали её даже в темноте закрытых век.

За завтраком в столовой кампуса — светлом, почти пустом помещении с длинными деревянными столами, где в этот час сидело лишь несколько инженеров ночной смены, молча доедающих кашу перед тем, как разойтись по домикам спать, — она увидела Соню Кареву. Девушка сидела одна, явно уставшая, с кругами под глазами, которые выдавали либо недосып, либо что-то более тревожное.

— Можно? — спросила Алина, садясь напротив без приглашения.

Соня кивнула, не поднимая глаз от своей тарелки.

— Ты видела демонстрацию, — сказала она не вопросительно, а утвердительно, будто сам факт был написан на лице Алины.

— Откуда ты знаешь?

— По твоим глазам. Так выглядит каждый, кто первый раз видит реконструкцию личного момента. — Соня наконец подняла взгляд. — Я видела свою бабушку в сорок пять лет, танцующую на свадьбе родителей. Я никогда её такой не знала — к моему рождению она уже была совсем старой и больной. Три дня потом не могла спать нормально.

— Это помогает тебе работать над проектом Матвея?

Соня замаялась, и в этой паузе Алина почувствовала то же, что чувствовала при разговоре с Гурьевым, — ощущение, что собеседник выбирает между правдой и формулировкой, разрешённой к произнесению.

— Я больше не работаю над этим проектом, — сказала Соня наконец. — После того, что случилось, Герман Аркадьевич перераспределил команду. Теперь это закрытое направление. Только он сам и ещё один человек имеют доступ.

— Кто этот человек?

— Юлия Рейн. Она работает здесь дольше, чем я. Биоинженер. — Соня снова опустила глаза, вернувшись к своей каше, явно давая понять, что разговор для неё закончен.

Алина записала имя в память, не в блокнот — здесь привычка не оставлять письменных следов становилась заразной.

Юлию Рейн она нашла не сразу — та работала в блоке, доступ в который требовал отдельного разрешения, и Алине пришлось снова идти к Светлову, чтобы получить его. Он не возражал, но и не обрадовался просьбе — что-то в его реакции подсказывало Алине, что круг людей, посвящённых в детали проекта погружения, был уже сжат настолько туго, что каждое новое включение в него вызывало у Светлова почти физический дискомфорт, будто он лично отвечал за каждую утечку, даже санкционированную им самим.

Биоинженерная лаборатория располагалась в подземном уровне — спуск туда Алина помнила смутно, этот этаж строился уже после её ухода, и коридоры здесь были незнакомыми, более узкими, более похожими на больничные, чем на остальной кампус с его просторными светлыми пространствами. Освещение было холоднее, резче — явно рассчитанное на точность хирургических манипуляций, а не на философские беседы.

Юлия Рейн оказалась женщиной лет сорока пяти, с коротко стриженными седыми волосами и усталым, но внимательным лицом человека, привыкшего работать на пределе концентрации много часов подряд. Она не удивилась визиту Алины — очевидно, Светлов предупредил её заранее.

— Вы хотите узнать о последних экспериментах Матвея Дмитриевича, — сказала она без предисловий, продолжая работать с чем-то на мониторе перед собой — графиками, напоминающими энцефалограмму, но с паттернами, которые Алина никогда не видела ни в одном медицинском контексте.

— Я хочу узнать, что он видел в собственном будущем.

Юлия на секунду остановила работу, развернулась в кресле.

— Это не моя область компетенции, — сказала она. — Я занимаюсь физиологическим интерфейсом — тем, как тело взаимодействует с процессом погружения во время сессии. Я не отвечаю за содержание визуализаций.

— Но вы были в комнате, когда он проводил свои последние сессии?

Пауза. Юлия взвешивала, насколько честной она может быть.

— Да, — сказала она наконец. — Я мониторил его показатели.

— Какие показатели?

— Активность мозга. Частоту сердечных сокращений. Уровень кортизола и других гормонов стресса. — Она сделала паузу. — Погружение, даже кратковременное, оказывает колоссальную нагрузку на нервную систему. Мы не до конца понимаем механизм, но тело реагирует на реконструированную сцену так, будто она реальна в физическом смысле — не как сон и не как кино, а буквально. Если человек в реконструкции чувствует холод, его тело реально охлаждается. Если он испытывает страх, выделяется адреналин в тех же количествах, что при реальной угрозе.

— А если человек видит собственную смерть?

Юлия посмотрела на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Этого я вам не скажу, — ответила она тихо. — Не потому, что не знаю. Потому что Герман Аркадьевич запретил мне обсуждать содержание последних сессий Матвея Дмитриевича с кем бы то ни было, включая вас.

— Он мой брат.

— Я знаю. — В голосе Юлии прозвучало что-то похожее на сочувствие, впервые за весь разговор. — Именно поэтому он запретил. Он сказал, что должен сначала показать вам всё сам. По порядку. Он сказал, что если вы узнаете детали в неправильной последовательности, это может... — она подыскивала слово, — сломать вас не так, как это должно происходить.

Формулировка «сломать вас не так, как это должно происходить» повисла в воздухе лаборатории, и Алина почувствовала, как внутри неё что-то сжалось — не от страха перед содержанием тайны, а от самой этой фразы, прозвучавшей так буднично, будто процесс разрушения психики был здесь таким же технически управляемым параметром, как частота сердечных сокращений на мониторе Юлии.

— Сколько сессий он провёл? — спросила Алина, меняя направление вопроса.

— Семнадцать. За последние три недели перед исчезновением.

— Это много?

— Это необычно много. — Юлия отвернулась обратно к монитору, давая понять, что разговор для неё окончен. — Обычный исследователь в экспериментальных испытаниях проходит одну-две сессии, максимум три в неделю, из-за нагрузки на организм. Матвей Дмитриевич проходил сессию почти каждый день. К концу третьей недели его показатели были... — она остановилась, подбирая слово, — тревожными. Я предупреждала Германа Аркадьевича. Он сказал, что Матвей Дмитриевич сам настаивает, и что он взрослый человек, способный принимать собственные решения.

«Взрослый человек, способный принимать собственные решения». Алина мысленно повторила эту фразу, пытаясь понять, звучала ли она так же иронично в устах Светлова, как сейчас звучала в пересказе Юлии, учитывая, что весь проект, которым они занимались, был посвящён вопросу — существует ли свобода решения вообще, или это лишь иллюзия, которую сознание конструирует постфактум, чтобы оправдать уже совершённое, предопределённое действие.

Вечером того же дня Светлов снова вызвал её в кабинет — на этот раз без предисловий, без разговоров о тайге и равнодушии ко времени. Он сидел за столом, не у окна, и перед ним лежала тонкая папка, которую он не торопился открывать.

— Я расскажу тебе, что он видел, — сказал Светлов, когда Алина вошла. — Потому что ты всё равно узнаешь, так или иначе, а лучше, если узнаешь от меня, с контекстом, а не от обрывков чужих разговоров.

Алина села напротив, молча ожидая.

— «Зеркало» показывает прошлое с абсолютной точностью, потому что прошлое оставляет физический след — декогеренцию, рассеянную информацию о взаимодействиях частиц, которую можно прочесть обратно, как ты видела сама. Это понятно, это укладывается в известную физику, хоть и на пределе её возможностей.

Он сделал паузу, глядя не на Алину, а на закрытую папку перед собой.

— Но два года назад мы обнаружили, что система способна показывать не только прошлое. Если задать координаты, лежащие в будущем, относительно текущего момента времени, система выдаёт изображение. Устойчивое, повторяемое, не меняющееся при повторных запросах — абсолютно так же, как изображения прошлого.

— Это может быть просчитанная экстраполяция, — сказала Алина, цепляясь за объяснение, которое не рушило бы фундаментальные законы причинности. — Система анализирует текущие тренды и просчитывает наиболее вероятное развитие событий. Это не видение будущего, это прогноз, выданный в форме визуализации.

— Я тоже так думал, — ответил Светлов. — Два года мы проверяли эту гипотезу. Мы запрашивали короткие сценарии — что произойдёт в соседней комнате через час, через день, через неделю — и сверяли с реальностью. Прогноз, Алина, статистический прогноз, даже самый точный, ошибается. Он показывает вероятности, а не достоверность. Наши изображения не ошибались никогда. Ни разу за два года и несколько тысяч проверенных сценариев.

Он открыл наконец папку.

— Матвей задал системе координаты собственного будущего. Не абстрактно — конкретную дату, конкретное место внутри кампуса. Он хотел увидеть, что происходит с ним через месяц от момента запроса.

— И что он увидел?

Светлов достал из папки единственный лист — распечатанный кадр, статичное изображение, зафиксированное из последовательности, которую видел Матвей в своей последней сессии. Он положил лист на стол перед Алиной, но не сразу отпустил его, будто давая ей последний шанс отказаться смотреть.

Она не отказалась.

На изображении была комната — небольшая, с мягким светом, похожая на жилую, а не лабораторную. В центре комнаты, в кресле, напоминающем кресло для медитации, сидел Матвей — спокойный, глаза закрыты, лицо расслабленное, почти умиротворённое. Рядом с креслом, вплотную к нему, стояла та же конструкция, что Алина видела в зале «Зеркала», только меньшего масштаба — переносной модуль, подключённый к вискам Матвея тонкими проводами.

На заднем плане, за стеклянной перегородкой, виднелись фигуры людей, наблюдающих за процессом. Алина присмотрелась — и узнала среди них себя.

Себя, стоящую за стеклом в этой комнате, которую она никогда прежде не видела, в будущем, которое, по словам Светлова, уже было вычислено с абсолютной достоверностью.

— Когда это произойдёт? — спросила она, и голос её прозвучал так тихо, что она сама едва слышала собственные слова.

— Система не выдала конкретную дату, — ответил Светлов. — Но судя по контексту изображения — твоей одежде, расположению предметов в комнате — это произойдёт скоро. В ближайшие недели.

Алина смотрела на изображение, не в силах оторвать взгляда от собственной фигуры за стеклом — спокойной, застывшей, наблюдающей за чем-то, чего она пока не могла понять.

— Это значит, что он жив, — сказала она наконец, цепляясь за единственную интерпретацию, которая давала ей надежду вместо ужаса. — Это значит, что через несколько недель я его увижу живым.

Светлов молчал долго, и в этом молчании Алина почувствовала то, чего боялась больше всего — что правда гораздо сложнее и темнее, чем простая радость обретения.

— Это значит, что ты увидишь его в такой же комнате, — сказал он наконец. — Но это не значит, что он будет жив в том смысле, в котором ты понимаешь это слово.

— Что ты имеешь в виду?

— Я думаю, — сказал Светлов, и в его голосе прозвучала интонация, которую Алина слышала впервые за все годы их знакомства — интонация настоящего, непритворного страха, — я думаю, что это изображение не прогноз его будущего. Я думаю, это изображение момента, когда он уже внутри «Зеркала». И ты будешь стоять рядом, наблюдая, как его тело остаётся здесь, пока его сознание — где-то ещё.

Снег за окном кабинета продолжал падать, беззвучно и равнодушно, укрывая тайгу тонким белым слоем, который к утру станет толще, а к вечеру — ещё толще, подчиняясь законам природы, которые, казалось, были единственной определённой, оставшейся Алине в мире, где граница между прошлым, будущим и настоящим вдруг оказалась не фундаментальной истиной, а всего лишь удобной иллюзией, разрушенной машиной, построенной человеком, потерявшим дочь и захотевшим увидеть её снова.

Глава 5. Дочь

Той ночью Алина не спала вовсе. Она сидела в гостевом домике с распечатанным кадром перед собой — собственным лицом за стеклом в комнате, которой пока не существовало в её реальности, — и пыталась выстроить из обрывков информации связную картину, хотя каждая новая деталь только увеличивала число переменных, а не уменьшала его.

«Потерявшим дочь» — эта фраза Светлова, брошенная как бы невзначай в конце разговора, засела в её сознании крепче, чем всё остальное, сказанное им за эти дни. Восемь лет она знала Германа Аркадьевича, семь из них работала с ним плечом к плечу, и ни разу — ни разу! — он не упоминал ребёнка. Она знала о его разводе, давнем, случившемся задолго до основания «Сада», знала, что он не был женат вторично, знала, что единственной его страстью, казалось, была наука и то небольшое, что оставалось от человека после сорока лет служения ей. Дочь никогда не фигурировала ни в разговорах, ни в легендах, которые сотрудники пересказывали друг другу о своём загадочном основателе.

Утром она пришла к нему без приглашения, минуя секретаря, минуя протокол, который требовал предварительной записи даже для неё.

— Расскажи мне о своей дочери, — сказала она, останавливаясь посреди кабинета, не садясь.

Светлов, сидевший за столом с чашкой чая, замер — не удивлённо, а скорее с видом человека, который давно ждал этого вопроса и устал откладывать ответ.

— Кто тебе сказал? — спросил он тихо.

— Ты сам. Вчера. «Машина, построенная человеком, потерявшим дочь». Ты думал, я не услышу эту фразу?

Он поставил чашку на стол — медленно, с осторожностью, будто боялся, что звук фарфора о дерево разрушит что-то хрупкое внутри него самого.

— Её звали Вера, — сказал он, глядя не на Алину, а в окно, за которым атриум был теперь полностью укрыт снегом, превратившим молодые ели в белые, почти неразличимые силуэты. — Она умерла двадцать два года назад. В одиннадцать лет. Лейкемия.

Алина молчала, не находя слов для соболезнования, которое прозвучало бы здесь, в этом контексте, фальшиво и неуместно.

— Я начал проект «Зеркало» не из научного любопытства, — продолжил Светлов. — Я начал его, потому что в последний месяц её жизни я записывал всё — каждый день, каждый разговор, каждую улыбку — на видео, на диктофон, на бумаге, пытаюсь сохранить то, что знал, уже тогда уйдёт безвозвратно. И когда она умерла, я понял, что все мои записи — ничтожны. Плоские, двумерные, лишённые жизни тени того, что было настоящим. Я хотел не вспоминать её. Я хотел вернуть её — хотя бы на мгновение, хотя бы как реконструкцию, но полную, настоящую, неотличимую от действительности.

— И у тебя получилось?

— Прошрое — да. Я видел её снова. Много раз. — Голос Светлова дрогнул, впервые за всё время их знакомства выдав ему возраст, который он так старательно прятал под молодавым лицом. — Но наблюдение — это не возвращение, Алина. Я мог видеть её, но не мог коснуться. Не мог сказать ей то, что не успел сказать тогда. Это было хуже, чем ничего. Это было напоминание о границе, которую я не мог пересечь, снова и снова, с абсолютной, невыносимой точностью.

— Поэтому Матвей работал над погружением. Чтобы ты мог войти.

Светлов не ответил сразу, и это молчание было достаточным ответом.

— Я не просил его об этом прямо, — сказал он наконец. — Но он знал, чего я хочу. Он знал меня почти так же долго, как ты. Он пришёл ко мне два года назад и сказал: «Если граница между наблюдением и присутствием — иллюзия, то должен быть способ её устранить». Я думал, он говорит теоретически. Я не думал, что он собирается проверить это на себе.

— Почему на себе? Почему не ты сам, если это твоя одержимость?

Светлов посмотрел на неё, и в его глазах промелькнуло выражение, которое Алина не ожидала увидеть — что-то похожее на стыд.

— Я предлагал, — сказал он. — Я умолял его позволить мне быть первым испытуемым. Я старик, Алина. Если процесс опасен, пусть опасность падёт на того, кому меньше терять. Но Матвей отказал мне. Он сказал, что я слишком важен для продолжения проекта, если первая попытка окажется неудачной. Он сказал, что кто-то должен остаться, чтобы довести дело до конца.

— Довести до какого конца?

— До момента, когда граница окончательно исчезнет, — ответил Светлов. — Когда переход станет не экспериментом, а дверью. Открытой для каждого, кто хочет вернуться туда, где был счастлив, или туда, где был кто-то, кого он потерял.

Алина почувствовала, как её собственное дыхание участилось — не от страха, а от внезапного, холодного понимания масштаба того, во что она оказалась втянута. Это был не просто научный проект, вышедший из-под контроля. Это была одержимость одного человека, облечённая в язык физики и облечённая в институциональную легитимность, использующая горе и гениальность другого человека — её брата — как инструмент для достижения цели, которая, возможно, была недостижима в принципе, а возможно — хуже — достижима ценой, которую никто из них ещё не осознал полностью.

— Где он сейчас, Герман? — спросила она, и впервые с момента приезда в её голосе прозвучала не растерянность, а холодная, профессиональная ярость. — Не метафорически. Физически. Где тело моего брата?

Светлов долго молчал, и когда он наконец заговорил, его голос был едва слышен:

— Я не знаю, — сказал он. — Это правда, Алина, в первый раз за весь этот разговор — чистая, незамутнённая правда. Его тело исчезло из комнаты, где он проводил последнюю сессию, в ту же ночь, когда началось погружение. Камеры зафиксировали, как он садится в кресло, подключает модуль к вискам, закрывает глаза. А потом — через четырнадцать секунд, Алина, через четырнадцать секунд записи — кресло оказывается пустым. Без вспышки, без звука, без какого-либо физического объяснения. Он просто перестал быть здесь.

Он открыл ящик стола, достал ещё одну папку — тоньше первой, с единственным листом внутри.

— Я никому это не показывал, — сказал он. — Я скрывал это даже от Гурьева, даже от следствия, которое, впрочем, не особо старалось искать правду, учитывая, кто финансирует это место и какие интересы связаны с тем, чтобы история не вышла за пределы периметра. Но тебе я покажу.

Он протянул ей лист. Это был кадр из записи камеры той комнаты — тот самый момент, за секунду до исчезновения, зафиксированный с максимальным увеличением. Матвей в кресле, глаза закрыты, лицо спокойно. А рядом с его виском, там, где провод модуля касался кожи, был едва заметный, почти неразличимый всплеск — не свечение, не искра, а что-то похожее на искажение самого изображения, будто пространство в этой конкретной точке на долю секунды перестало быть однородным.

— Что это? — спросила Алина, указывая на искажение.

— Я не знаю точно, — ответил Светлов. — Но мой лучший физик-теоретик, прежде чем уйти из проекта по собственному желанию три месяца назад, сказал мне, что это похоже на локальное нарушение метрики пространства-времени. Крошечное, точечное, но реальное. Он сказал, что если его гипотеза верна, то в этот момент в этой точке физического пространства на долю секунды возникла топологическая связь между двумя точками временного континуума.

— Червоточина, — сказала Алина, не веря собственным словам, произнося их с тем же недоверием, с каким произносила бы название сказочного существа, внезапно оказавшегося реальным.

— Он не любил это слово. Он называл это иначе — «складка». Но суть, думаю, та же.

Алина сидела, глядя на искажённый пиксель на фотографии, который, возможно, был последним физическим следом её брата в этой реальности, и чувствовала, как внутри неё рушится последняя опора, на которую она держалась все эти дни — надежда, что рациональное объяснение всё ещё возможно, что мир, в который она въехала три дня назад по дороге через тайгу, подчиняется законам, которые она способна понять и предсказать.

— Я хочу провести сессию, — сказала она. — Я хочу увидеть, куда он ушёл.

Светлов посмотрел на неё долго, и в этом взгляде смешались облегчение и ужас в равных долях — облегчение от того, что она наконец произнесла слова, которые он, вероятно, ждал от неё с момента звонка, и ужас перед тем, что должно было произойти дальше.

— Я знал, что ты это скажешь, — ответил он. — Именно поэтому я боялся показывать тебе всё.

— Почему?

— Потому что изображение, которое ты видела вчера, — сказал он, его голос дрогнул, — где ты стоишь за стеклом, наблюдая, — оно не было прогнозом твоего присутствия в качестве свидетеля, Алина. Я проверил координаты заново сегодня утром, после того как ты ушла. Система уточнила изображение.

Он сделал паузу, и в этой паузе Алина почувствовала, как весь воздух в комнате стал плотнее, тяжелее, невозможнее для дыхания.

— В кресле внутри комнаты, — закончил Светлов, — не Матвей. Это ты.

Глава 6. Выбор, которого не было

Слова Светлова повисли в кабинете так долго, что Алина успела услышать собственный пульс — не метафорически, а буквально, как глухой стук в висках, будто тело пыталось напомнить ей, что оно всё ещё здесь, в этой комнате, в этом моменте, который, если верить человеку напротив, был уже вычислен и зафиксирован где-то в глубине машины, гудящей под их ногами.

— Это ошибка, — сказала она наконец, хотя сама слышала, как неубедительно звучит это утверждение. — Система спутала координаты. Или ты спутал.

— Я проверил три раза, — ответил Светлов. — Я ввёл те же временные параметры, те же пространственные координаты, что и в первый запрос. Изображение не изменилось в деталях комнаты, в расположении кресла, в ракурсе съёмки. Изменилось только одно — человек в кресле. Вчера я увидел твоё лицо за стеклом и интерпретировал это как твоё присутствие в роли наблюдателя. Сегодня я увидел твоё лицо в кресле, и за стеклом — никого. Пустое помещение для наблюдения.

— Значит, система ошибается. Значит, твоя теория абсолютной точности неверна.

— Или значит, — сказал Светлов тихо, — что между вчера и сегодня что-то изменилось в самой структуре события, которое система считывает. Что-то, связанное с решением, которое ты ещё не приняла, но уже приближаешься к нему настолько, что оно начинает влиять на вероятностное поле вокруг этой точки времени.

Алина встала и подошла к окну — тому самому, у которого Светлов обычно стоял сам, глядя на засыпанный снегом атриум. Сейчас она стояла там, а он сидел за столом, и в этой смене позиций было что-то символическое, что-то, что она заметила, но не успела осмыслить до конца.

— Ты говоришь мне, что будущее одновременно фиксировано и изменчиво, — сказала она, не оборачиваясь. — Это противоречие. Это не физика, Герман, это философская путаница, одетая в язык квантовой механики.

— Я знаю, как это звучит. — Он тоже встал, подошёл к ней, остановившись на расстоянии, достаточном, чтобы не нарушать личное пространство, но достаточно близко, чтобы Алина почувствовала тепло его присутствия — тепло человека, который был рядом с ней восемь лет, которого она уважала, которому доверяла, прежде чем это доверие было разбито три года назад и теперь собиралось пройти проверку заново, под давлением обстоятельств, которые ни один из них полностью не контролировал. — Но подумай об этом иначе. Что, если система не показывает единственное, монолитное будущее? Что, если она показывает ближайшую, наиболее устойчивую конфигурацию вероятностного поля в данный момент времени — и эта конфигурация меняется, но не хаотично, а в соответствии с реальными физическими процессами, включая процессы в твоём собственном мозге?

— Ты имеешь в виду, что моё решение — физический процесс, который машина может предсказать до того, как я сама его осознаю.

— Да.

— Это и есть твой детерминизм, Герман. Не абстрактная философская позиция, а конкретное, измеримое утверждение: что я уже решила пройти через погружение, прежде чем я сама об этом узнала. Что я сижу здесь, у этого окна, разыгрывая иллюзию раздумья, хотя исход предreshён задолго до того, как я его осознаю.

Светлов долго молчал, и когда он заговорил, в его голосе прозвучала интонация, которую Алина слышала впервые, — интонация не учёного, объясняющего феномен, а человека, исповедующегося в чём-то, что мучило его много лет.

— Я верю в это, — сказал он. — Я верил в это задолго до того, как мы построили первую рабочую версию «Зеркала». Я верил в это с того дня, когда врачи сказали мне, что рак у моей дочери неоперабелен, и я стоял в коридоре больницы, перебирая в голове миллион альтернативных решений — что, если бы я повёл её к другому врачу на полгода раньше, что, если бы я заметил симптомы быстрее, что, если, что, если — и понял внезапно, с ледяной, абсолютной ясностью, что ни одно из этих «что, если» не было реальной альтернативой. Что цепь событий, приведшая её к этой палате, была запущена задолго до её рождения — комбинацией генов, случайных мутаций, факторов среды, решений, принятых поколениями до нас, — и что моя иллюзия выбора в тот момент, когда я мог бы что-то изменить, была именно иллюзией, прекрасной, спасительной, но ложной.

— И поэтому ты строишь машину, которая докажет тебе, что ты не виноват.

Это было сказано резче, чем Алина планировала, но она не взяла слова назад — отчасти потому, что видела, как они попали в цель, судя по тому, как дёрнулось лицо Светлова, отчасти потому, что сама нуждалась в этой резкости, чтобы не утонуть в сочувствии к человеку, который, возможно, разрушил её брата ради собственного утешения.

— Да, — сказал он просто, не защищаясь. — И поэтому я строю машину, которая докажет мне, что я не виноват. Ты права. Это было правдой с самого начала, и я никогда не притворялся перед собой, что это не так, хотя притворялся перед советом инвесторов, перед сотрудниками, перед журналистами, которые изредка добивались до внешнего периметра кампуса в поисках сенсации. Но правда проекта, Алина, — глубже моей личной мотивации. Если детерминизм верен — а я теперь уверен, что он верен, после всего, что мы увидели, — тогда вопрос не в том, виноват я или не виноват. Вопрос в том, что нам делать с этим знанием. Жить дальше, притворяясь, что выбор существует, потому что иллюзия удобнее правды? Или принять правду и построить жизнь, основанную на ней?

— А что, если правда разрушительна? Что, если знание абсолютной предопределённости лишает человека единственного, что делает жизнь переносимой — ощущения, что он сам автор собственных поступков?

— Тогда, — ответил Светлов, и в его голосе прозвучала боль, которую он скрывал восемь лет её знакомства с ним так тщательно, что она сама не замечала её присутствия, — тогда, возможно, именно поэтому твой брат выбрал — или был вынужден, в зависимости от того, какую версию реальности ты предпочитаешь, — уйти туда, где эта правда перестаёт иметь значение. Не в будущее. Не в прошлое. А в точку, где прошлое и будущее сходятся настолько

тесно, что сам вопрос о выборе становится бессмысленным, потому что там, возможно, нет времени в том смысле, в котором мы его понимаем здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.